

раммы технологического процесса с определением температуры и времени на всех этапах производства. Схема производства продукта должна включать план помещения предприятия (производственная линия, передвижение персонала, включая раздевалки, душевые и столовую), диаграмма — отражать поток всех компонентов и упаковочных материалов, их хранение, подготовку, обработку, упаковку готового продукта и его отгрузку. Таким образом, необходимо показать движение продукции, места отдыха и гигиены обслуживающего персонала для выявления любых потенциальных зон загрязнения в пределах предприятия.

(Окончание в следующем номере.)

А.А. ДВОРЕЦКАЯ

КОНТИНУАЛЬНОСТЬ В ПОНИМАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В РИМСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Этот подход, хотя и является изобретением современной цивилистики, изначально заложен и находит подтверждение в римском понимании общества и права, а также социальных фактов, их обуславливающих. Континуальность прослеживается уже в латинских терминах, относимых к теории юридических фактов. Так, собственно событием, значимым для права и таким образом влекущим юридические последствия, является “factum” (то, что произошло, сделанное, совершенное) [1, 1085; 2, 134]. С одной стороны, в отличие от русского языка, где слово “факт” обычно выражает событие объективной природы, латинское “factum” предполагает наличие действующего лица (от “facere” — делать), автора сделанного (“qui fecit”). Как полагает Д.В. Дождев [2, 134], “factum” призван обнять всевозможные проявления юридически значимого поведения — как акты (“facta”), так и сделки.

С другой стороны, А. Картагерра [3, 49—50] утверждает, что глагол “facere” употреблялся не только в отношении к человеку — к действиям и бездействиям (например, “mora”, т.е. просрочка (D. 22, 1, 32 pr.)), но и к животным и вещам. “Factum” относится также и к событиям. В этом случае наблюдается соответствие латинского термина современному представлению о юридических фактах.

Есть и третье мнение. Л. Капуано говорит: “Factum” и “facere” охватывали широчайшие понятия, начиная от совершенного человеком до совершенного природой. Причем в узком значении “factum” означал сознательно сделанное человеком — как позитивное, так и негативное, а к сделанному природой применяли термин “eventus”, “eventum”. Неволевое действие человека называли “casus” [4, 536]. Это мнение подтверждается следующими цитатами: “Verbum facere omnem omnino faciendi causam complectitur, dandi, solvendi, numerandi, iudicandi, ambulandi” (словом “facere” охватывается целиком сделанное, оказанное, разрешенное (выполненное), решенное, перешедшее) (D. 50, 16, 218);

Анна Анатольевна ДВОРЕЦКАЯ, ст. преподаватель кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета.

“Facere oportere et hanc significationem habet, ut absteineat quis ab eo facto quod contra conventionem fieret et curaret, ne fiat” (“facere” надлежит употреблять в значении, когда кто-либо воздержался от того, когда вопреки соглашению делал и заботился, чтобы не делать) (D. 50, 16, 189).

Далее, современная доктрина разделяет иск и акт. Но для римлян оба этих понятия находятся в одном поле — “agere”, так как обозначали установленную правилом определенную деятельность по достижению результатов, в равной степени предписанных правом. Равная степень предписания правом подтверждается тем, что в позднейшее время термин “actio” употребляется в совершенно разных (с современной точки зрения) значениях: в значении процессуальной активности в защиту субъективного права [5, 180], которая, прежде чем стать государственной, была самозащитой; в значении иска [2, 188]; в значении вообще деятельности, урегулированной материальным правом. В последнем случае юрисконсульты говорили об актах, но имели в виду именно то, что сегодняшняя правовая доктрина определяет как сделку. Действительно, “agere” и “gerere” одинаково представлены как в “legis actio”, так и в “mancipatio”. “Actiones Manilianae” или “Hostilianae” есть ни что иное, как формуляры завещаний и продажи. Цицерон говорит об “actiones” как о формулярах юридических актов, ревностно охраняемых юристами [6, 189].

У римлян каждое право имеет свое “actio”, т.е. иск. О.С. Иоффе и В.А. Мусин это правило определяют еще жестче: “Раз нет иска, нет права” [7, 17–18]. И кто хотел обосновать свое право, выяснял не объективную норму, а какое “actio” правопорядок предоставлял в его распоряжение в данном случае. Другими словами, римляне не понимают притязание как абстракцию, состоящую из средства совершить действие и защитить право. Согласно Павлу, “civis actio” — не гражданский иск, как можно было подумать, а сделка, признанная “ius civile” [6, 189]. Примечательно, что в архаическом римском праве юридическую ситуацию можно было отменить соответствующей формой, которой оно была введена (“contrarius actus”) [8, 84]. В перечисленных примерах очевидна слабая различаемость “actio” как судебного акта и как действия [9, 119–120]. “Lege agit” не только тот, кто имеет в виду гражданский иск, но любой, кто совершает действие, имеющее юридическую цель и значение.

Таким образом, можно смело утверждать, что широчайшее понятие “agere” отражает знание в римской юриспруденции такой категории, которая охватывает все акты человеческого поведения в публичном и в частном праве. Поэтому обоснованно можно говорить об однородности, континуальности термина “agere” как в области материального римского права, так и процессуального. Такая расплывчатость и нестабильность понятий в римском языке свидетельствует о явном наличии проблемы деления юридических фактов на события и деяния [10, 493], что легко объясняется природной (объективной) их тождественностью. Отсюда и расплывчатость, континуальность, тождество понятий события и деяния, различающихся интуитивно. Еще слабее дифференцируются правовые акты.

Современная юридическая доктрина традиционно делит юридические факты по волевому признаку на события и действия. Многие романисты традиционно придерживаются волевого критерия также в классификации юридических фактов в римском праве, что кажется не всегда оправданным. Применительно к римскому праву такое деление на события и акты не выглядит столь бесспорным и, более того, не соответствует римскому правосознанию. В едва наметившейся дифференциации правовых актов в отличие от доктрины нового времени и позднейшей ими за основание берется не воля, а форма. Этот выбор отражен в слабо определенных и очень подвижных во времени терминах, определяющих виды сделок.

Размытость и подвижность латинских терминов свидетельствуют о явном наличии в римском праве проблемы деления юридических фактов на события и действия. Так, Ф. Пастори указывает, что способами первоначального приобретения права собственности, которые рассматриваются как юридические факты, могут быть и события естественного происхождения, и события из человеческого поведения, но так, чтобы воля правом не учитывалась [10, 493—494]. Вспомним также “*pop usus*” при сервитутах...

К тому же, если придерживаться волевого критерия деления юридических фактов на события и деяния, то возникает сложность с отнесением к той или иной категории следующих фактов: “*accessione di mobile ad immobile*” — приращение движимого имущества к недвижимому; способ приобретения собственности по максиме “*superficies solo cedit*”, по которому собственник земельного участка присоединяет к своей собственности сооружение, построенное другим лицом на его участке; законный сервитут происходит из одного только соседского расположения участков [2, 446]. Очевидно, что эти и многие другие факты не могут быть отнесены ни к одной из перечисленных категорий юридических фактов.

В связи с этим В. Шалоя [11, 24] предлагает выделить кроме актов и событий также еще одну категорию фактов. Он назвал ее “факты по закону”. Формулировка не вполне корректная, но отражает идею выведения этой широчайшей категории, если можно ее так назвать, поскольку это не категория в полном смысле слова, по его мнению, а ящик, куда складывают все то, что нельзя положить в другие ящики. Эти факты не имеют общего логического основания для выделения в одну категорию, кроме как произведение юридического эффекта в силу закона. Но В. Шалоя и другие цивилисты неоднократно указывали [11, 25; 12, 187; 13, 3], что прочная увязка с законом не является исключительной характеристикой только этой категории фактов, поскольку правоотношения, возникшие из волевых фактов, как и из неволевых, производят юридический эффект в силу их связи с законом. Таким образом, и этот критерий деления фактов приходится выбраковывать. К тому же выведение категории, не поддающейся делению юридических фактов по общему признаку, лишней раз свидетельствует об уязвимости и неприемлемости такого подхода к делению фактов. Но подобные юридические факты легко систематизируются, если руководствоваться иным критерием, а точнее тем, как факты воспринимаются самим правом. Причем наблюдаемое в римском праве тождество объекта и субъекта права, действия и бездействия, процесса и результата, вещи и действия, природного и социального явления свидетельствует о континуальном подходе в понимании фактов, имеющих значение для права [14, 8].

В рамках континуального подхода к признакам юридических фактов в римском праве относят сложносоставной характер, подразумевающий наличие в каждом действии или событии элементов имущественного, личного, экономического, нравственного и иного социально значимого характера. Сложносоставной характер правового факта, по мнению М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, еще в римском договорном праве вытекает из представления о договоре как “...основании возникновения, изменения и прекращения правоотношения включая два его неперменных признака: во-первых, соглашение (*consentio, consensus*) и, во-вторых, особое основание соглашения в виде определенной хозяйственной цели (*causa*)” [15, 8]. Далее, в юстиниановскую эпоху еще заметно различие между актами с вещным эффектом и актами с обязательственным эффектом, так как для того, чтобы совершить акт по передаче собственности, недостаточно контракта, а нужен акт, специфически соответствующий этой цели, — “*traditio*” [16, 36]. Далее это различие сглаживается. Поэтому В.А. Витушко отмечает, что в римском праве не разрывались вещные и обязательственные правоотношения и тем достигался комплексный подход (хотя

еще достаточно примитивный) в регулировании и защите соответствующих прав [17, 87].

Римское право часто уравнивает объект и субъект права (например, приобретение собственности рабами для домовладыки), действие и бездействие (вспомним “*facere*”), процесс и результат (в случае с “*actio*”), вещи и действия (вещные и обязательственные правоотношения), природное и социальное явления (ошибка в праве, “*accessio*”, “*occupatio*” и другое). Заметно разное восприятие римским правом, разная правовая квалификация однотипных действий или событий или же безразличие права к такому делению. Все зависит от важности для правопорядка их правовых последствий.

Таким образом, римское право в понимании обстоятельств, имеющих значение для права, исходит из комплексности и одновременно тождественности единства и индивидуальности этих обстоятельств. Поэтому следует говорить о континуальном характере теории юридических фактов в римском праве.

Литература

1. *Calonghi F.* Factum // Dizionario latino—italiano. Torino, 1990.
2. *Дождев Д.В.* Римское частное право: Учеб. для юрид. вузов и факультетов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2000.
3. *Carcattera A.* Facti interpretatio nella epistemia di Nerazio (D. 22, 6, 2) // Bulletino dell'istituto di diritto romano “Vittorio Scialoja”. Milano, 1981. Vol. 23.
4. *Capuano L.* Il diritto privato dei romani. Napoli, 1881. Vol. 1.
5. *Fadda C.* Parte generale con speciale riguardo alla teoria del negozio giuridico. Napoli, 1909.
6. *Biondi B.* La terminologia romana come prima dommatica giuridica // Scritti giuridici. Milano, 1965. Vol. 1.
7. *Иоффе О.С., Мусин В.А.* Основы римского гражданского права. Л., 1974.
8. *V.V. A.A.* Istituzioni di diritto romano. Napoli, 1988.
9. *Riccobono S.* Istituzioni di diritto romano. Palermo, 1911.
10. *Pastori Franco.* Gli istituti romanistici come storia e vita del diritto. Milano, 1988.
11. *Scialoja V.* Negozi giuridici. Roma, 1938.
12. *Talamanca M.* Istituzioni di diritto romano. Milano, 1990.
13. *Betti E.* Teoria generale del negozio giuridico. Torino, 1952.
14. *Вутышко В.А.* Континуальная теория юридических фактов // Проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности экономики переходного периода: Материалы науч.-практ. конф. Минск, 18 дек. 2001 г. Обществ. об-ние “Молодеж. науч. о-во” Мн., 2002.
15. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Кн. 1: Общие положения. 2-е изд., испр. М., 2000.
16. *Provera G.* Introduzione al corso di istituzioni di diritto romano. Torino, 1983.
17. *Вутышко В.А.* Курс гражданского права: Общая часть: Науч.-практ. пособие. Мн., 2001. Т. 1.